

Соколов Л. А. Юношеские годы св. Иоанна Златоуста и приготовление его к пастырскому служению // Богословский вестник 1895. Т. 3. № 9. С. 315–344 (2-я пагин.). (Начало.)

Юношескіе годы св. Іоанна Златоуста и приготовленіе его къ пастырскому служенію.

I.

Жизнь св. Іоанна Златоуста до принятія крещенія.

Время происхожденія и смыслъ названія Іоанна именемъ Златоуста: разборъ различныхъ мнѣній. — Годъ рожденія Златоуста, его родители, характеръ семейныхъ отношеній, первоначальное вліяніе семьи на характеръ Златоуста, смерть отца, личность матери. — Природныя дарованія Златоуста и образованіе его у Андрагафія и Ливанія. — Замѣчанія объ этихъ учителяхъ Златоуста и ихъ сравнительное вліяніе на личность великаго воспитанника. — Характеръ Ливанія и его преимущественное вліяніе на воспитаніе Златоуста въ отношеніи воли. — Соединеніе горячности и строгости въ его характерѣ. — Отношенія къ товарищамъ, дружба съ Θεодоромъ и Василиемъ. — Выступленіе на гражданскую дѣятельность, занятія адвокатурою, мірская жизнь Златоуста, внутренняя борьба и установленіе личности. — Вліяніе на Златоуста Мелетія Антиохійскаго, характеристика личности послѣдняго. — Крещеніе Златоуста.

Много великихъ пастырей возсіяло на востокѣ въ IV и V вѣкахъ, но едва ли пастырь Церкви какого бы то ни было времени по богатству своей духовной жизни превосходитъ великаго Златоуста. Въ началѣ язычникъ, адвокатъ, образованный человекъ, Златоустъ во внутренней жизни своей переживаетъ великій процессъ духовнаго возрожденія. Онъ принимаетъ христіанство, учится началамъ христіанской жизни, самоуглубляется, наблюдаетъ жизнь. Изученіе жизни во всей ея неприглядной наличности. отвращаетъ отъ нея Златоуста, онъ признаетъ непригодность мірскихъ началъ для духовной жизни и приходитъ къ сознанію необходимости

аскетизма. Онъ бѣжитъ въ пустыню, предается суровымъ подвигамъ подъ руководствомъ аскета старца. Не удовлетворяясь этимъ, онъ удаляется въ уединенную пещеру и изнуряетъ себя въ продолженіи двухъ лѣтъ до того, что вслѣдствіе болѣзни находится вынужденнымъ возвратиться въ мірское общежитіе. Но этотъ постепенный подвигъ внѣшняго самоумерщвленія былъ въ то же время и непрерывнымъ возрастаніемъ духа, — постепенно очищаясь отъ страстей, Златоустъ все болѣе и болѣе приходилъ къ сознанию невозможности для христіанина личнаго духовнаго подвига безъ служенія ближнимъ. Сама собою нравственная логика привела его къ сознанию необходимости пастырскаго служенія ближнимъ. Его общественное воспитаніе и воспитаніе въ пустыни привели его къ уясненію началъ и задачъ духовной жизни. Пришедши въ Антиохію, онъ уже покорно отдался церковному служенію. Изученіе общественной жизни и своей духовной природы ясно показали ему бѣдственное состояніе нравственной жизни общества и слабость личныхъ человеческихъ силъ къ возрожденію. Аскетическое воспитаніе пустыни привело къ сознанию недостаточности заботъ о себѣ самомъ безъ служенія ближнимъ, оно показало юному подвижнику необходимость пастырскаго служенія и его возможность при самоотверженіи и помощи божественной благодати. И вотъ онъ оставилъ пустыню и безропотно покорился своему призванію. Въ настоящей статьѣ мы попытаемся прослѣдить постепенный ростъ въ душѣ Златоуста пастырскаго настроенія до принятія имъ на себя пресвитерскаго сана.

Когда усвоено св. Іоанну его cognomen — Златоустъ и какой смыслъ этого названія? Названіе великаго пастыря Христовой Церкви Златоустомъ настолько древне и популярно, что оно извѣстно каждому православному христіанину. Объ Іоаннѣ, пресвитерѣ Антиохійскомъ и даже патріархѣ Константинопольскомъ очень многіе не знаютъ, но съ именемъ Златоуста всякій христіанинъ неизмѣнно соединяетъ представленіе о великомъ и святомъ учителѣ Христовой вѣры, возсіявшемъ на востокъ во славу Христовой Церкви. Поэтому, знать смыслъ происхожденія этого названія весьма важно. По обычному мнѣнію преданія св. Іоаннъ получилъ названіе Златоуста еще при жизни и даже въ раннюю пору

ва—въ періодъ Антиохійскаго пресвитерства. Преданіе это, занесенное въ наши Четви-Миней св. Димитрія Ростовскаго, состоитъ въ слѣдующемъ.—Когда св. Іоаннъ былъ поставленъ пресвитеромъ Антиохійскимъ, онъ началъ съ особеннымъ прилежаніемъ заботиться о спасеніи ввѣренныхъ ему душъ человѣческихъ и со всею силою своей пастырской ревности предался церковной проповѣди. Проповѣди говорилъ онъ устно и безъ предварительной подготовки, Іоанна, какъ проповѣдника, росла, на его бесѣды стекался весь городъ, чиновники оставляли службу, купцы—торговлю, ремесленники—свои занятія, и всѣ спѣшили въ церковь, гдѣ говорилъ Іоаннъ. Скорописцы записывали его проповѣди и распространяли во множествѣ экземпляровъ „и не бѣ ни единъ во градѣ, иже бы не желалъ слышати Іоанна бесѣдующа“. Не слышать проповѣди Іоанна было великимъ лишеніемъ и вотъ въ это время,—начала его проповѣднической дѣятельности, увлеченные слушатели выражали свой восторгъ кромѣ обычныхъ рукоплесканій и различными словесными похвалами и названіями: „тѣмже и именованія различная похвальная ему творяху;—нѣцыи его зовяху: уста Божія и Христова, друзіи сладкоглаголивымъ его именовяху, иніи же медоточнымъ нарицаху“, говоритъ его житіе. Однако ни одно изъ этихъ многихъ названій не сдѣлалось постояннымъ соупомен Іоанна, а осталось простымъ воспоминаніемъ, какъ выраженіе мимолетнаго восторга восхищенныхъ слушателей. Одно только названіе Златоуста навсегда соединилось съ именемъ Іоанна. Житіе объясняетъ это тѣмъ, что имя Златоуста указываетъ не на минутный восторгъ, а на глубокое удивленіе силъ словъ Іоанна на ряду съ трудностію ихъ пониманія. „Обыче же блаженный, говоритъ житіе, иногда отъ глубочайшія премудрости износити словеса, а наипаче творяше то въ началѣ пресвитерства своего и составляше проповѣдь не всѣмъ разумительну людемъ ненаученнымъ“. Слава проповѣдника и необыкновенное краснорѣчіе привлекали народъ, но научность нѣкоторыхъ выраженій затрудняла его пониманіе для народа. И вотъ, продолжаетъ житіе, „единою нѣкая жена послушаючи и глаголемыхъ неразумѣючи воздвиже гласъ отъ народа и рече къ нему: учителю духовный, паче же реку, *Іоанне Златоустый*, углубилъ еси кладезь

святаго твоего ученія, а ужа ума нашего суть кратки и не могутъ досязати. Тогда множество народа рекоша: „аще и жена слово сіе изглагодала, но Богъ имя то нарече ему, отсель Златоустомъ да будетъ зовомый. Отъ того убо времени и до днесь тако отъ всея церкви именуемый есть. Святыи же Златоустый помысли въ себѣ, яко нѣсть полезно хитросплетенное къ народу простираати слово и оттолѣ тѣшесе не ухищренными витійскими, но простыми правоучительными же словеса бесѣду свою украшати, яко да и простѣйшій слышатель разумѣтъ и пользу приметь“¹⁾). Такимъ образомъ, по свидѣтельству житія, выходитъ, что названіе Іоанна Златоустымъ относится къ началу его пастырской дѣятельности въ качествѣ пресвитера Антиохійской церкви и указываетъ на опредѣленный историческій фактъ, имѣвшій даже вліяніе на характеръ поученій Златоуста, такъ какъ заставилъ великаго учителя больше сообразоваться съ пониманіемъ народа и заботиться о внѣшней отдѣлкѣ и упрощеніи рѣчи. Св. Димитрій Ростовскій въ словѣ на донъ Златоуста признаетъ это преданіе за несомнѣнное. Стыдно намъ, начинается онъ свое поученіе, стыдно намъ мужескому полу, яко нынѣ празднуемаго свѣтильника міру, иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго не мы, но жена Златоустымъ нарече. Прозванъ бысть Златоустымъ отъ жены, а не отъ насъ. Спасетъ Богъ тую жену, что хорошее, красное святому Іоанну приличное ему нарекла именованіе,—Златоустый. По истинѣ Богъ усты ея глаголаше, по имени бо и дѣло баше¹⁾). Таково обычное объясненіе происхожденія названія Іоанна именемъ Златоуста. Но его нельзя однако считать достовѣрнымъ, принимая во вниманіе съ одной стороны мелочность даннаго факта и его несогласіе съ характеромъ Златоуста, какъ популярнаго проповѣдника. Съ другой стороны указанное объясненіе опровергается достовѣрными свидѣтельствами древности. Преданіе о томъ, что Іоаннъ названъ Златоустымъ за глубину мысли и непонятность выраженія при внѣшней привлекательности еще при жизни своей, основывается на свидѣтельствѣ о томъ

1) Житіе Іоанна Злат. въ Четьи-Мин. Сентябрь 13 дня, стр. 68.

2) Сочиненія св. Димитрія, митрополита Ростовскаго, ч. III. Поученія на память св. Іоанна Златоустаго, стр. 388—390. Изд. 7, М. 1848.

Метафраста, которое въ свою очередь принимается за достовѣрное у Баронія. Свидѣтельство указанныхъ историковъ говоритъ, что вначалѣ Златоустъ бесѣдовалъ возвышенно и вслѣдствіе этого былъ непонятенъ для простыхъ слушателей. Послѣ замѣчанія одной благочестивой женщины (*pia muliercula*) онъ освободился отъ юношескаго увлеченія говорить возвышенно (*ipsum vero mutasse e vestigio juvenilis animi cujus est acta petere, institutum, dictionemque faciliorem imis auribus accommodasse*) и началъ приспособлять свою рѣчь ко всеобщему пониманію. И вотъ въ это время, т. е. когда онъ во вниманіе къ выраженному мнѣнію народа началъ примѣняться къ простонародному пониманію, народъ неоднократно въ восторженныхъ крикахъ называлъ его Златоустомъ ¹⁾. Однако слѣдуетъ признать справедливымъ замѣчаніе ученаго автора историческаго комментарія о Златоустѣ, Іоанна Штилтинга, что мнѣніе Метафраста не основательно ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, при внимательномъ изученіи обширныхъ твореній великаго пастыря мы приходимъ къ убѣжденію, что имя Златоуста нѣ было усвоено Іоанну при его жизни. Дѣйствительно, народъ неудержимо стремился на его бесѣды, дѣйствительно, его проповѣди записывались при самомъ ихъ произношеніи и внимательно читались потомъ въ семейныхъ домахъ, дѣйствительно, наконецъ, что восхищенный народъ очень часто прерывалъ своего пастыря громкими рукоплесканіями и словесными выраженіями восторга—обо всемъ этомъ мы находимъ достовѣрнѣйшія свидѣтельства въ самыхъ его твореніяхъ. Златоустъ самъ говоритъ объ отношеніи къ нему слушателей, о ихъ вниманіи къ нему и одобрительныхъ рукоплесканіяхъ и дѣлаетъ критическую нравственную оцѣнку этихъ отношеній. Но онъ нигдѣ не упоминаетъ о названіи себя Златоустымъ, между тѣмъ, если бы послѣднее было усвоено ему при жизни, онъ не преминулъ бы упомянуть въ своихъ бесѣдахъ. Точно также противъ свидѣтельства Метафраста и Баронія говоритъ то обстоятельство, что ни одинъ изъ писателей—современниковъ Златоуста не при-

¹⁾ Qua ex parte illud est consecutus, ut ab omnibus facillime audiretur, atque publicis frequentibusque acclimabionibus „os aureum“ diceretur—s. 691.

²⁾ Acta sanctorum tom. IV sept. § LXXXIX s. 691.

своеетъ ему этого названія, что было бы невозможно, если бы Іоаннъ названъ былъ Златоустомъ при его жизни. Затѣмъ фактъ усвоенія Іоанну имени Златоуста при его жизни невозможенъ въ томъ смыслѣ, какъ о томъ говоритъ Метафрастъ. Послѣдній замѣчаніе женщины, назвавшей Іоанна именемъ Златоуста ставитъ гранью двухъ періодовъ его проповѣднической пастырской дѣятельности. До получения имени Златоуста Іоаннъ привлекалъ народъ лишь внѣшнею силою краснорѣчія, а внутренній смыслъ проповѣди въ большинствѣ случаевъ оставался недоступенъ для простаго народа въ виду возвышенности и непопулярности стиля. Во второмъ періодѣ Златоустъ начинаетъ заботиться о простотѣ изложенія, о выработкѣ популярнаго стиля и путемъ этой работы становится понятенъ народу. Но подобное утвержденіе не имѣетъ подъ собою никакихъ основаній. Златоустъ по природнымъ свойствамъ своего проповѣдническаго таланта говорилъ къ народу всегда насколько краснорѣчиво, настолько же и понятно. Его краснорѣчіе было естественно, ясно и доступно. Даже въ своихъ раннѣйшихъ по происхожденію-философскихъ трактатахъ въ защиту монашества и противъ іудействующихъ, гдѣ всего болѣе можно было бы ожидать отъ него нѣкоторой непопулярности, онъ также простъ и доступенъ, какъ и въ своихъ обычныхъ бесѣдахъ къ народу. Златоустъ—великій ораторъ не только по природной силѣ ораторскаго таланта и обилію проповѣдническаго матеріала, но и въ особенности по ясности и доступности изложенія. Этимъ соединеніемъ высоты и простоты рѣчи объясняется его необычайный проповѣдническій успѣхъ и отводится ему первое мѣсто среди пастырей и учителей восточной церкви. У писателей-современниковъ Златоуста, послѣднему усвоится имя Іоанна Константинопольскаго ¹⁾ и только у другихъ позднѣйшихъ писателей мы встрѣчаемъ названіе Златоуста. Не можетъ быть, конечно, никакихъ сомнѣній въ томъ, что названіе Златоуста дано Іоанну для обозначенія его необыкновеннаго, какъ бы золотаго краснорѣчія. Свидѣ въ своемъ лексиконѣ, сводя различныя сужденія иногда лживыя, объясняетъ смыслъ указаннаго названія именно

¹⁾ Такъ называетъ его даже другъ и современникъ его Палладій въ своемъ діалогѣ (*Dialogus historicus* s. 7).

такимъ образомъ. Творенія Іоанна, говоритъ онъ, неисчислимы, потому-что онъ все іудейское и христіанское писаніе (т. е. ветхій и новый завѣтъ) изслѣдовалъ въ комментаріяхъ, какъ никто. Онъ восхвалялъ подвиги мучениковъ съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, имѣя языкъ, который своимъ теченіемъ превосходилъ обильныя волпы Нила. Никто прежде него не отличался такимъ краснорѣчіемъ и одному ему дано названіе Златоуста какъ бы по наслѣдственному его праву. Число его писаній обозрѣть невозможно человеку, но все знающему Богу ¹⁾. Такое сужденіе о силѣ краснорѣчія Златоуста обще почти всѣмъ церковнымъ писателямъ, въ особенности Грекамъ, которые предпочитаютъ его всѣмъ другимъ. Однако именемъ Златоуста въ приложеніи къ Іоанну Константинопольскому пользовались писатели гораздо раннѣйшіе Свиды. Имя Златоуста встрѣчается у всѣхъ біографовъ отъ начала VII вѣка, каковы напр. Георгій Александрійскій, Іоаннъ Москъ. Оно было также извѣстно въ Испаніи, какъ свидѣтельствуешь о томъ св. Исидоръ испанскій, говоря, что Іоаннъ, святѣйшій епископъ Константинопольскаго престола, *cognomento Chrysostomus* своею рѣчью доставлялъ великое утѣшеніе сердцу и пріятностію краснорѣчія ²⁾. Раньше Исидора Кассіодоръ уже въ VI в. пользуется названіемъ Златоуста, когда говоритъ о своихъ заботахъ относительно перевода на латинскій языкъ Златоустовыхъ толкованій на посланіе къ Евреямъ ³⁾. Также названіе Златоуста усвоитъ Іоанну Ефремъ, патр. Антіохійскій VI вѣка. Но еще ранше — въ пятомъ вѣкѣ имя Златоуста употреблялось въ приложеніи къ Іоанну. Съ этимъ именемъ онъ упоминается въ дѣянiяхъ Халкидонскаго собора, но только въ греческомъ подлинникѣ, въ латинскомъ переводѣ это слово опущено. Этимъ именемъ называетъ его Θεодоритъ, когда въ концѣ своей исторіи перечисляетъ послѣднихъ Константинопольскихъ епископовъ ⁴⁾. Также называетъ Іоанна св. Прокль, патр. Константино-

¹⁾ Suidas Lex. pag. 1258.

²⁾ Lib. de scriptoribus ecclesiasticis cap. VI. Свидѣтельство Исидора важно въ томъ отношеніи, что указываетъ на существованіе лат. перевода Златоустовыхъ твореній уже въ VII в.

³⁾ Lib. de institutione cap. VIII.

⁴⁾ Acta Sanct. IV, 690—691.

польскій, въ трактатѣ de traditione divinae missae. И такъ изъ сказаннаго ясно, что названіе Іоанна Златоустомъ вошло въ обыкновеніе около середины пятаго вѣка у грековъ, потомъ же немного спустя получило употребленіе и у латинянъ. Можно думать, замѣчаетъ комментаторъ Златоуста, что это названіе дано Златоусту около времени перенесенія мощей его въ Константинополь (*videatur cognomen Chrysostomi coeptum circa tempus corporis Constantinopolim translati* ¹⁾). И въ этомъ, кажется, нѣтъ основаній сомнѣваться. Если же это такъ, то названіе Іоанна Златоустымъ приобрѣтаетъ особенную исключительную важность, какъ знакъ духовнаго торжества великаго пастыря Церкви, знакъ животворности и торжества великой пастырской идеи, ради которой Златоустъ самоотверженно пожертвовалъ жизнію. Припомнимъ то положеніе, въ какомъ находилась Церковь послѣ осужденія и смерти Златоуста, тѣ многочисленныя и разнообразныя распри, которыя длились не одно десятилѣтіе въ средѣ восточной церкви. Множество жертвъ пало изъ Іоаннитскаго лагеря ²⁾, жертвъ дикаго насилія и произвола противниковъ великаго пастыря. Церкви западная и восточная не имѣли между собою общенія. Великій пастырь запада, котораго Тьерри справедливо называетъ миротворцемъ христіанскаго міра, великимъ священнослужителемъ высотъ Албанскихъ, явившимъ міру подъ одеждою христіанскаго первосвященника спокойную и разсудительную душу древняго Римлянина ³⁾, — великій Иннокентій вложилъ душу свою въ дѣло защиты Златоуста на мятущемся востокѣ. Онъ былъ сторонникомъ Златоуста, востокъ же въ лицѣ своихъ пастырей представлялъ враждебную силу. Много нравственныхъ и матеріальныхъ лишеній потерпѣлъ онъ, много труда понесъ онъ въ этомъ святомъ дѣлѣ. Припомнимъ его хлопоты по собранію вселенскаго собора въ Оссалоникахъ ради возстановленія Златоуста, его посольство на востокъ, злключенія послѣдняго ⁴⁾, и мы увидимъ всю несообразность церковной жизни того времени. Внутренняя борьба партій на востокѣ, видимая невозможность взаимнаго

1) Acta sanctorum tom. IV, 83, 690—691.

2) Такъ назывались приверженцы Златоуста.

3) Тьерри стр. 436.

4) Palladii dialogus historicus стр. 13—15.

примиренія, отказъ принять въ церковное общеніе Златоуста даже со стороны такихъ пастырей, какъ Кириллъ Александрійскій, разрывъ церковей—все это даетъ основанія полагать дѣло Златоуста основаніемъ схизмы между востокомъ и западомъ ¹⁾). По свидѣтельству Θεодорита ²⁾, западная церковь дотолѣ не вступала въ общеніе съ церквами восточными, пока эти не внесли имя Златоуста въ диптихи. Только въ 418 году имя Златоуста, какъ епископа Константинопольскаго было внесено въ диптихи, а въ слѣдующіе затѣмъ 20 лѣтъ совершалось постепенное усиленіе почитанія Златоуста, наконецъ въ 438 году мощи его были торжественно перенесены въ Константинополь ³⁾). Такимъ образомъ великій проповѣдникъ Христова мира сталъ камнемъ претыканія и соблазна, но онъ же соединилъ два противные лагеря въ признаніи величія и животворности пастырской идеи. Если вѣрить мнѣнію историка о времени усвоенія Іоанну имени Златоуста, то мы должны будемъ признать въ этомъ названіи великаго пастыря выраженіе и знакъ церковнаго объединенія востока и запада и внутренняго умирненія Церкви. Зерно, если не упадетъ въ землю и не умретъ, не принесетъ плода, если же умретъ, сотворитъ обильный плодъ. Пастырская идея въ лицѣ Златоуста восторжествовала: умеръ гонимый праведникъ, но съ его смертію возрасло древо религіознаго воодушевленія, прошелъ застой и равнодушіе, пастыремъ онъ обличалъ пасомыхъ при жизни и засіялъ вновь свѣтомъ животворнаго единства Церкви. Въ этомъ случаѣ названіе Іоанна Златоустомъ, какъ выраженіе общецерковнаго признанія пастырской идеи важно для насъ, какъ живое доказательство животворности, цѣлесообразности и дѣйственности тѣхъ пастырскихъ началъ, на которыхъ Златоустъ построилъ свою дѣятельность.

Годъ рожденія Златоуста не установленъ точно ⁴⁾). Несомнѣнно однако на основаніи свидѣтельствъ древности и

¹⁾ Der hl. Chrysostomus in seinem Verhältniss zum bysantischen Hof. Von dr Ludwig ss. 157—164. Braunsberg 1883.

²⁾ Hist. Eccl. t. V, 34.

³⁾ Подробнѣе объ этомъ см. трактатъ in actis sanctorum ss. 678—686.

⁴⁾ О жизни Златоуста гсворять многіе писатели древности. Они почти всѣ перечислены въ изданіи Савиллія, каковы: 1) церковный историографъ

случайныхъ замѣтокъ въ самыхъ твореніяхъ Златоуста,

Сократъ; 2) Палладій, епископъ Еленопольскій; 3) Прокль Константинопольскій; 4) Кирилль Александрійскій; 5) Софроній Іерусалимскій; 6) Іоаннь Дамаскинъ; 7) Мартирій Антиохійскій патріархъ; 8) Косма, діаконъ во время Златоуста; 9) Θεодоритъ, еп. Кирскій; 10) Ниль великій; 11) Исидоръ Пелусіотъ; 12) Никита Пафлагонянинъ и др. Сюда слѣдуетъ отнести Θεодора Тримифунтскаго, Георгія Александрійскаго, Созомена, Зосиму и др. греческихъ историковъ. Между всѣми этими источниками свѣдѣній о Златоустѣ первое мѣсто слѣдуетъ отнести диалогу Палладія Еленопольскаго. Штильтингъ признаетъ диалогъ первымъ источникомъ послѣ твореній Златоуста. Между всѣми источниками свѣдѣній о Златоустѣ, говоритъ онъ, первое мѣсто несомнѣнно удерживаютъ самыя творенія Златоуста, недавно тщательно изданныя Монфокономъ. Второе мѣсто между писателями, которые изслѣдуютъ жизнь Златоуста заслуживаетъ *dialogus historicus Palladii Episcopi Helenopolis cum Theodoro Ecclesiae Romanae Diacono de vita et conversatione beati Ioannis Chrysostomi Episcopi Constantinopolis*, изд. греко-лат. нъ 1680 г. (*acta sanctorum t. IV, p. 401*). Палладій, биографъ Златоуста,—личность спорная. Θεодоръ Тримифунтскій называетъ его мужемъ достопочтеннымъ (*vir spectabilis*) и другомъ Златоуста (*Ioanni familiaris fuit*); мѣстомъ его служенія признаетъ Вионію, гдѣ онъ былъ епископомъ до времени изгнанія Златоуста. Послѣ же его изгнанія Палладій подвергся гоненію со стороны враждебной партіи и былъ заключенъ нъ холодную и душную тюрьму на 11 мѣсяцевъ. Дальнѣйшая судьба его, по Θεодору,—неизвѣстна (*Theodor Trimith. de vita et exsilio s. Ioan. Chrys. s. 57*). Обычно онъ называется епископомъ Еленопольскимъ. Вигоцкій полагаетъ, что онъ не былъ Еленопольскимъ епископомъ. По свидѣтельству Георгія Александрійскаго, Палладій во времена Златоуста жилъ въ Константинополѣ и былъ непосредственнымъ очевидцемъ всѣхъ дѣяній Златоуста. Палладій оставилъ и Константинополь, и свое отечество, отказываясь отъ общенія съ тѣми, которые погубили Златоуста. Въ нѣкоторыхъ древнихъ кодексахъ Палладій называется епископомъ Аспоненскимъ (*ἐν ἀλλοῖς γράφεται ἀσπώνου*), на основаніи каковыхъ надписаній Сократъ говоритъ, что имя Палладія не было приписано имъ самимъ подъ знаменитый диалогъ, а приписано было послѣ, откуда и появилась тройственность опредѣленій мѣста его епископскаго служенія (*Hist. Eccl. lib. VII, cap. 26*). Весьма нѣроятно, что знаменитый Палладій былъ и епископомъ Еленопольскимъ въ Вионіи и потомъ переведенъ былъ въ Галатію *in asronam*, подъ которую, нѣроятно, разумѣется городъ Амасія. Сократъ замѣтно склоняется къ послѣднему предположенію, потому что имя Палладія помѣщается *in catalogo episcoporum, qui ab uno episcopatu ad alium translati fuerunt*. Какъ бы то ни было, насколько ни спорный вопросъ о Палладіи, но на основаніи его діалога слѣдуетъ видѣть въ немъ искренняго друга Златоуста, горячо преданнаго послѣднему. Его диалогъ отсюда приобретаетъ особенную цѣнность достовѣрнаго историческаго памятника того времени, когда все было вооружено противъ великаго Константинопольскаго Архіепископа. Историческія свидѣтельства Сократа, Созомена, Космы и др. историковъ должны быть пронѣрены параллельно съ показаніями Палладія (См. *acta*

несомнѣнно, что онъ родился ранѣе 350 года ¹⁾. Однако такую хронологическую дату нельзя признать точною и достовѣрною, особенно, если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что Златоустъ былъ привлекаемъ къ епископству около 374 года, такъ что ему необходимо было имѣть къ этому времени возрастъ 30 лѣтъ. Достовѣрнымъ представляется, что Златоустъ родился около 341 или 344 года ²⁾ и болѣе достовѣрно послѣднее. Тильмонъ и Монфоконъ соглашаются ³⁾, что Златоустъ удалился въ пустыню не прежде 374 года. Но это событіе послѣдовало вскорѣ затѣмъ, какъ онъ уклонился отъ избранія во епископа, такъ какъ опасеніе, чтобы его противъ воли не поставили епископомъ и заставило его бѣжать. Св. Іоаннъ Дамаскинъ въ похвальному словѣ Златоусту свидѣтельствуемъ, что онъ былъ поставленъ въ чтецы почти 30 лѣтъ (*Meletius Ioanem decem et octo circiter annos natum suscipit... Triginta circiter annis genitus natis cum perfectam corporis et animi aetatem esset assecutus ad divinorum eloquiorum lectoris* ⁴⁾), а это было въ 372 году и отъ этого времени прошло еще около двухъ лѣтъ до бѣгства Іоанна отъ епископства. Имѣя въ виду все сказанное необходимо признать, что Іоанну было около 30 лѣтъ, когда онъ уклонился отъ епископскаго сана и что это было въ 374 году, слѣдовательно, годомъ его рожденія слѣдуетъ признать 344 годъ. Родиной Златоуста была Антиохія Сирійская—эта столица востока, занимавшая послѣ древняго и новаго Рима (Константинополя) на ряду съ Антиохіей важнѣйшее мѣсто въ

санкт. 405—408). Изъ позднѣйшихъ писателей о Златоустѣ наиболѣе замѣчательный Георгій Александрійскій отличается однако наименьшею достовѣрностію. При неизящномъ и даже необработанномъ стилѣ сказаніе Георгія нацелено разными невѣроятными и баснословными фактами, откуда они перешли, между прочимъ и въ Четьи-Минеи, тогда какъ ни Златоустъ въ своихъ твореніяхъ, ни Палладій въ діалогѣ не упоминаютъ ни о какихъ чудесахъ.

¹⁾ См. доказат. Acta sanct. t. IV, p. 408.

²⁾ Acta sanct. p. 409. Одни биографы Златоуста склоняются къ признанію 347 года годомъ его рожденія (Neander I, p. 1, Малышевскій, архим. Агапиль, Paul Albert и Филаретъ Черниговскій). Другіе склоняются болѣе къ 344 г. (Лебедевъ). Послѣднее мнѣніе слѣдуетъ признать болѣе достовѣрнымъ.

³⁾ Acta sanct.

⁴⁾ Oratio panegyrica auctore s. Joanne Damasceno cap. I, pag. 703. Acta sanct.

среди этихъ четырехъ великихъ главныхъ городовъ тогдашняго образованнаго міра, или римскаго царства (*τῆς οἰκουμένης*) ¹⁾. Она была главнымъ городомъ и матерью городовъ всей Римской Азии, какъ неоднократно называетъ ее Златоустъ въ своихъ бесѣдахъ къ Антиохійскому народу ²⁾. Родители Златоуста Секундъ и Анеуса принадлежали къ высшему сословію антиохійскаго общества. Секундъ занималъ важный и отвѣтственный постъ начальника сирійскихъ войскъ (*in officio magistri militum Siriaë*) ³⁾. Анеуса происходила изъ знатной и зажиточной семьи. Кромѣ Іоанна у Секунда и Анеусы была еще дочь—старше Іоанна (*editus in lucem post sororem*). Семья Златоуста была тѣмъ идеаломъ семьи, который онъ позднѣе рисовалъ предъ своими слушателями, была малою церковію, мѣстомъ нравственнаго совершенствованія, глубокой любви и самоотверженія. Глубокая покорность волѣ Божіей, смиреніе предъ карающей десницей Вышняго, кротость во взаимныхъ отношеніяхъ, нѣжность и заботливость—вотъ христіанскіе цвѣты, которые произрастали въ семейной обстановкѣ Златоуста. И Секундъ и Анеуса оба были добродѣтельными христіанами ⁴⁾. Златоустъ совсѣмъ не зналъ отца; послѣдній

¹⁾ Neander 131, p. 1. Палладій называетъ Златоуста Антиохійцемъ: *Joannes ille genere quidem erat Antiochenus* (s. 48).

²⁾ По своему центральному значенію на азіатскомъ ностокѣ Антиохія была живымъ центромъ въ умственномъ и религіозномъ отношеніи, но нѣ то же время, какъ и другіе большіе города, Антиохія была центромъ нравственнаго развращенія, съ которымъ и боролся нѣ пору своего пресвитерства лучший сынъ Антиохіи—Златоустъ. См. краснорѣчивое и правд. изобр. знач. Антиохіи у Неандера, ss 2—4 и у Малышевскаго. Іоаннъ Злат. нѣ званіи чтеца, въ санѣ діакона и пресвитера стр. 2—9. Кіевъ 1892 г.

³⁾ Palladius pag. 48.

⁴⁾ См. сл. о снящ. I, стр. 4—8. Neander p. 4. Многими биографами дренности однако отрицается несомнѣнное положеніе, что родители Златоуста были христіане. Укажемъ на болѣе значительныя отрицанія. Θεοδὸρ Τριμιφυντσκίη говоритъ объ этомъ такъ: *Joannes hic tenera aetate omni humana doctrina imbutus fuit; de parentibus ethnicis natus et ipse quoque ethnicus* (*ἦν δὲ γονέων ἑλλήνων καὶ αὐτὸς δὲ Ἕλληνας*), т. е. Θεοδὸρ утверждаетъ, что родители Златоуста были язычники и самъ онъ былъ язычникъ. Несомнѣнность такого пониманія слова *ethnicus* подтверждается контекстомъ рѣчи. Дальше мы читаемъ: *Verum tamen divina gratia comparctus ad ecclesiasticos conventus coepit accedere et divinarum scripturarum lectionibus interesse* (Migne t. XLVII, pp. 56—57). Таково же мнѣніе

умеръ вскорѣ послѣ рожденія сына. Іоаннъ остался на попеченіи нѣжной и высокодобродѣтельной матери. Ей онъ обязанъ христіанскимъ направлениемъ своего воспитанія ¹⁾. Въ его письмахъ о священствѣ сохранилось убѣдительное свидѣтельство о высокомъ христіанскомъ настроеніи и глубокомъ воспитательномъ вліяніи, какое имѣла она на Іоанна.

Георгія Александрійскаго въ изд. Савиллія, pag. 119. Онъ утверждаетъ, что родители св. Златоуста были язычники, но крещены были послѣ Іоанна, который, по его мнѣнію, крещенъ былъ въ дѣтствѣ, или въ ранней юности. То же утверждаютъ и нѣкоторые другіе, слѣдую Георгію. Несомнѣнно, что наше Четы-Минейское повѣствованіе основано на этомъ же свидѣтельствѣ Георгія Александрійскаго. Въ житіи Іоанна читаемъ слѣдующее: Свѣтло міру, учитель нселенныя, столпъ и утвержденіе церкви, покаяннй проповѣдникъ, св. Іоаннъ Златоустый родился во Антиохіи Сирскѣй отъ родителей нехристіанъ, еллинскаго злочестія держащихся и т. д. (л. 65 на обор.). Но подобное мнѣніе совершенно не согласно съ фактами дѣтской исторіи Іоанна и обстоятельствами его крещенія, равнымъ образомъ находить совершенно опроверженіе въ твореніяхъ самого Златоуста. Іоаннъ принялъ крещеніе около 20 года своей жизни. Между тѣмъ достоверно извѣстно, что онъ лишился отца вскорѣ послѣ своего рожденія и слѣдов. отецъ не могъ принять крещенія послѣ Златоуста. Мать же Анеуса осталась въ 20-лѣтнемъ возрастѣ и, слѣдую вѣрнію Апостола, отказалась отъ втораго брака и посвятила себя воспитанію сына. Когда Златоустъ учился у Ливанія, еще до принятія крещенія, его мать была уже христіанкою, что подтверждается извѣстнымъ носкличаніемъ Ливанія; когда онъ услышалъ, что мать Златоуста, не имѣя 40 лѣтъ отъ роду, вдовствуеъ уже около 20 лѣтъ, онъ носкликнулъ: какія жены у христіанъ. Наконецъ, кромѣ I-го слова о священствѣ, гдѣ ясно рисуется христіанскій характеръ матери Златоуста, мы находимъ еще у самаго Златоуста подтвержденіе, что онъ родился въ семействѣ христіанскомъ. Въ 11 бесѣдѣ противъ аномеевъ, сказанной уже въ Константинополѣ, Златоустъ свидѣтельствуеъ сною пастырскую любовь слѣдующими словами.—Кто не изумится и не удивится, гоноритъ онъ, нашему пламенному усердію, непритворной любви, благосклонности къ учителямъ, согласію другъ съ другомъ, которыя все вмѣстѣ достаточны для того, чтобы привлечь къ вамъ и каменную душу. Посему и мы любимъ насъ не жемъ той церкви (Антиохійской), въ которой мы рождены и воспитаны и наставлены, ибо эта церковь сестра той и ны дѣлами доказали родство съ нею (На разн. сл. т. I, стр. 548). Отсюда ясно, что онъ рожденъ былъ отъ христіанскихъ родителей, потому что онъ сравниваетъне городъ съ городомъ, а церковь съ церковью. Церковь же извѣстна христіанская. Въ виду несомнѣнныхъ противорѣчій мнѣнія Георгія и Феодора—фактамъ жизни и исторіи Златоуста весьма справедливо, что ихъ слѣдуетъ отвергнуть (Vita Chrystomi adornata. Migne t. XLVII, pag. 83—84).

1) Neander. Der hl. Chysost. B. I, p. 4.

Когда аскетически-христіанское настроеніе Златоуста, вложенное въ его душу матерію, при изученіи жизни побудило его бѣжать въ пустыню и отдаться личному подвигу самоумерщвленія, тогда только материнскій голосъ поколебалъ его упорное намѣреніе. Непрестанныя увѣщанія матери, говоритъ Златоустъ, воспрепятствовали мнѣ исполнить свое намѣреніе—бѣжать въ пустыню. Когда мое намѣреніе сдѣлалось ей извѣстнымъ, тогда она, взявъ меня за руку, ввела во внутренніе покои. Мгновенно изъ очей ея полились источники слезъ, а изъ устъ слова горестнѣйшія самыхъ слезъ. Рыдая, такъ говорила она мнѣ: сынъ мой, я не долго наслаждалась сожителствомъ добродѣтельнаго отца твоего. Такъ угодно было Богу. Смерть его, послѣдовавшая вскорѣ за болѣзнями твоего рожденія, принесла тебѣ сиротство, а мнѣ преждевременное вдовство со всѣми его горестями, которыя могутъ быть хорошо извѣстны однимъ только вдовицамъ. Изображая далѣе всю тяжесть одинокаго положенія вдовы, неопытность, многочисленныя заботы, сопряженныя съ воспитаніемъ сына, она указываетъ на свою рѣшимость жить одиноко, какъ на свидѣтельство Божіей помощи ей, и любви къ умершему мужу и оставшемуся сыну. Будучи младенцемъ и едва умѣя лепетать, когда дѣти особенно бываютъ пріятны родителямъ, ты приносилъ уже мнѣ много отрады, говорила она Іоанну. Потерпи до моей кончины. Можетъ быть, жизнь моя недолго продолжится. Когда предашь тѣло мое землѣ и прахъ мой соединишь съ прахомъ отца твоего, тогда предпринимай далекія путешествія, переплывай моря, какія хочешь. Тогда никто не будетъ препятствовать. Но доколѣ еще дышу, не разлучайся со мною. Не навлекай на себя напраснаго гнѣва Божія, оставляя меня на жертву бѣдствіямъ, тогда какъ я ни въ чемъ не виновна предъ тобою. Если я подала тебѣ причину винить меня въ томъ, что вовлекаю тебя въ житейскія суеты и заставляю тебя заботиться о твоихъ и моихъ нуждахъ, то бѣги отъ меня, какъ бѣгутъ отъ недоброжелателей, отъ враговъ, забывъ и законы, и труды воспитанія и навыкъ неразлучнаго до сихъ поръ обращенія и все другое. Но если я дѣлаю съ своей стороны все, чтобы удалить отъ тебя малѣйшее попеченіе о нуждахъ жизни, то, если ничто другое, по крайней мѣрѣ,

ѣи узы пусть привяжутъ тебя ко мнѣ. Хотя ты и говоришь, что у тебя много друзей, но никто изъ нихъ не можетъ доставить тебѣ лучшаго спокойствія, потому что нѣтъ никого, кто бы заботился о твоёмъ благополучіи столько, сколько я ¹⁾. Это теплое, восторженное воспоминаніе о величайшей изъ матерей, даетъ намъ живое представленіе о той школѣ, въ которой Златоустъ получилъ первоначальные уроки христіанскаго самоотверженія, горячей любви къ ближнимъ, покорности волѣ Божіей. Мы присутствуемъ какъ бы при рожденіи великаго пастыря Церкви, мы видимъ то направленіе, въ которомъ пойдетъ его дальнѣйшая жизнь, начавшаяся въ нѣдрахъ христіанской семьи подъ неуспыннымъ и попечительнымъ наблюденіемъ матери-христіанки. Ея первые уроки, уроки дѣтства, пробудили въ Іоаннѣ вниманіе къ жизни, изученіе жизни отвратило юнаго подвижника отъ грѣховнаго міра и онъ въ сообществѣ съ своимъ другомъ устремился въ пустыню, чтобы отдаться личному совершенствованію путемъ аскетизма. Но голосъ мудрой матери остановилъ его, онъ указалъ Златоусту на ту нравственную связь, которая существуетъ между людьми, указалъ на обязанности любви и любвеобильнаго служенія человѣчеству, которое выше личнаго аскетизма и даже личной святости. Оставь себя и сотвори благо ближнимъ твоимъ,—вотъ что говорилъ Златоусту материнскій голосъ. Онъ не отрицалъ личнаго спасенія и необходимости личнаго подвижничества, но указывалъ на заботу и попеченіе о ближнихъ, какъ на подвигъ высшій и руководственный въ отношеніи къ самому аскетизму. Не удивительно, что Іоаннъ вспоминаетъ объ этомъ материнскомъ голосѣ предъ вступленіемъ своимъ въ тяжелый путь подвижничества, не удивительно, что и среди безмолвія пустыни, въ одиночествѣ пещеры ему слышался голосъ матери, какъ бы призывавшій его къ пастырскому служенію людямъ. Спасая себя, спасай другихъ, ища спасенія своего, не забывай о ближнихъ,—вотъ что говорилъ ему этотъ любящій проникновенный голосъ матери христіанки. О первоначальномъ образованіи и воспитаніи Златоуста не сохранилось подробныхъ свѣдѣній. Его біографъ Палладій

¹⁾ О свящ. сл. I, стр. 4—9.

ограничивается неопредѣленнымъ замѣчаніемъ ¹⁾). Однако на основаніи достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ ²⁾ мы знаемъ, что Іоаннъ учился краснорѣчію у Ливанія и философіи у Андрагафія—извѣстныхъ ученыхъ наставниковъ юности его времени. Нельзя думать, что замѣчанія Палладія и Θεодора Тримифунтскаго касаются этого высшаго образованія Златоуста, потому что этому противорѣчить и ранній его возрастъ и его личные свидѣтельства о себѣ и несоотвѣтствіе другимъ фактамъ его жизни ³⁾). Основываясь на буквальномъ пониманіи греческаго подлинника, гдѣ *sophisti, qui vocolas captant* соотвѣтствуетъ *sophistaí τῶν λεξειδρίων*, мы можемъ понимать свидѣтельство Палладія такимъ образомъ, что талантливый отрокъ Златоустъ (*sollertiori ingenio*) скоро усвоилъ основы первоначальнаго образованія, научился читать и писать, усвоилъ лексику и конструкцію правильной рѣчи и скоро оставилъ школу, потому что уже въ раннемъ возрастѣ у него были живы и сознательны высшіе запросы духа и онъ началъ заниматься изученіемъ Священнаго Писанія, стремясь тамъ постигнуть высшую истину. Нельзя думать, что Златоустъ ограничился только низшимъ образованіемъ, этому противорѣчить характеръ его великихъ твореній. Если Василій Великій и Григорій Назіанзинъ получили высшее образованіе, то нельзя въ томъ же отказывать и Златоусту, по-

¹⁾ Cum autem esset ingenio sollertiori sese in litterarum studio exercuit ad sacrarum scripturarum ministerium. Hinc decem et octo annos natus, a sophistis, qui vocolas captant, descivit; ubi mente vero virili fuit amore captus est sacrarum literarum. Dialogus pag. 18. Тоже утверждаетъ и Θεодоръ, гоноря: Verumtamen divina gratia compunctus ad ecclesiasticos conventus coepit accedere et divinarum scripturarum lectionibus interesse (de vita et exsilio Joan. Chrys. p. LVIII).

²⁾ Сократъ кн. VI, гл. III; Созоменъ Ист. церк. кн. VIII, гл. II, Θεодоритъ 3, 23.

³⁾ Между тѣмъ въ нашемъ житіи Златоуста замѣчаніе Палладія понято именно въ такомъ смыслѣ. Егда же нача приходити въ возрастъ, читаемъ тамъ, вданъ бысть отъ родителей въ наученіе эллинскія мудрости Ливанію софисту и Андрагафію философу. Отрокъ же еще сущи, нача паче старецъ разумѣти, умудривши его Духу святому, ибо познавъ единого истиннаго всего Создателя Бога возгнушася эллинскимъ безбожнымъ многобоженіемъ, текъ ко святѣйшему Мелетію и т. д., что стоитъ въ прямомъ противорѣчій дальнѣйшимъ словамъ житія, гдѣ говорится, что по смерти отца онъ снова учился философіи и риторикѣ и бысть риторъ и философъ изряденъ.

тому что внимательное изученіе его твореній убѣждаетъ читателя во множествѣ и разнообразіи научныхъ свѣдѣній и глубокой силѣ мышленія. Достоверно извѣстно, что даже въ сравнительной юности Златоустъ удивлялъ и учителей и товарищей силою мысли, изяществомъ рѣчи, изворотливостію діалектики; его образованность и краснорѣчіе въ своемъ кульминаціонномъ пунктѣ были таковы, что ему не находили равнаго по краснорѣчію и силѣ мысли. Нельзя думать, что онъ послѣ уже своего рѣшительнаго отказа отъ міра снова удалялся въ языческія школы, потому что вообще такіе скачки были не въ его характерѣ и потому что по содержанію его твореній съ несомнѣнностію ясно, что разъ начавшійся подвигъ христіанской жизни онъ продолжалъ непрерывно. Нельзя, наконецъ, думать, что Златоустъ въ періодѣ 18 лѣтъ усвоилъ высшее образованіе и превзошелъ современниковъ силою мысли. Въ твореніяхъ Златоуста мы находимъ свидѣтельство, что въ школѣ Ливанія онъ находился въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Въ словѣ къ молодой вдовицѣ Златоустъ указываетъ на тотъ фактъ, что добродѣтель, вступая въ соотношеніе съ душою людей, признается нравственно высокою и христіанами и невѣрными. Въ подтвержденіе онъ указываетъ фактъ своей юности. Когда я былъ еще молодъ, говоритъ онъ, помню, — учитель мой (а онъ былъ самый закоренѣлый язычникъ) при многихъ удивлялся моей матери. Желая узнать, по обыкновенію, отъ окружавшихъ его, кто я таковъ, и услышавъ отъ кого-то, что я сынъ вдовицы, онъ спросилъ меня, сколько лѣтъ моей матери и давно ли она вдовицею. И когда я сказала, что ей сорокъ лѣтъ, онъ изумился и громко воскликнулъ къ присутствовавшимъ: ахъ какія у христіанъ есть женщины! ¹⁾ Но мать Златоуста имѣла менѣе 20 лѣтъ отъ роду, когда потеряла мужа, а послѣдній умеръ вскорѣ по рожденіи Іоанна, слѣдовательно въ пору ученія у Ливанія Іоаннъ имѣлъ болѣе 20 лѣтъ. Слѣдуетъ думать, что первоначальное воспитаніе Златоуста шло всецѣло подъ вліяніемъ матери. Еще въ пору своего начальнаго образованія, посѣщая школу грамматика, мальчикъ Іоаннъ слушалъ уроки христіанскаго вѣдѣнія у своей богобоязненной матери. Отъ

¹⁾ Къ Авт. нар. т. III, стр. 405—406.

нея получилъ онъ тѣ глубокіе уроки христіанскаго благочестія, которые опредѣлили его направленіе на всю жизнь. Сама глубоко вѣрующая, благочестивая Анеуса старалась насадить въ его душѣ начала христіанской жизни, любовь къ людямъ и безропотную покорность судьбамъ providѣнія. Понятно также, что Св. Писаніе было настольною книгою мальчика, тѣмъ болѣе, что въ обширной Антиохіи, обилжавшей списками св. книгъ богатая вдова всегда могла приобрѣсти ихъ. Но занимаясь домашнимъ воспитаніемъ сына, Анеуса не забывала, что ему необходимо научное образованіе и вотъ, по достиженіи уже двадцатилѣтняго возраста онъ сталъ слушать краснорѣчіе у знаменитаго Ливанія ¹⁾ и изучать философію у Андрагафія ²⁾. Это былъ въ то время обычный путь для полученія образованія. Молодые христіане подъ руководствомъ софистовъ, риторовъ, и философовъ изучали краснорѣчіе, философію и классическую литературу. Конечно, языческіе наставники, гордые своимъ первенствомъ въ научномъ отношеніи, преслѣдовали въ образованіи юношества свои личныя цѣли—они хотѣли указаніемъ и оттѣненіемъ научнаго превосходства язычества предъ христіанствомъ вытравить въ душахъ своихъ христіанскихъ воспитанниковъ сѣмя евангелія, по это имъ удавалось весьма рѣдко, потому что наряду съ ихъ тлетворнымъ направленіемъ шло благотворное вліяніе на воспитанника христіанской семьи и Христова истина представляла просвѣщенному уму еще въ большемъ блескѣ. Вы-

1) Socrates lib. VI, cap. 3. Sozomenus lib. VIII, cap. 2.

2) Ливаній былъ Антиохійскій уроженецъ и учительствовалъ первоначально въ Афинахъ, изъ Афинъ перешелъ въ Константинополь; изгнанный отсюда въ 346 году перешелъ въ Никодимію, затѣмъ опять былъ въ Константинополѣ около 351 года. Наконецъ, съ позволенія кесаря Галла возвратился въ Антиохію и оставался въ ней учителемъ краснорѣчія до своей смерти 390 г. По свидѣтельству Θεодорита, между наставниками краснорѣчія Ливаній занималъ первое мѣсто (жн. 3. гл. 23). Его школа краснорѣчія и ораторства была предпочитаема предъ другими и давала удобный доступъ къ гражданскимъ должностямъ. Нужно замѣтить, что при всей своей преданности язычеству Ливаній былъ однако терпимѣе другихъ языческихъ наставниковъ и относился съ меньшимъ фанатизмомъ къ религіознымъ убѣжденіямъ своихъ воспитанниковъ, какъ это можно видѣть изъ вышеприведеннаго замѣчанія Ливанія о матери Златоуста. Кто такой былъ Андрагафій и каково было направленіе его школы,—историческіе документы умалчиваютъ.

ходили изъ этихъ школъ отступники, но еще болѣе выходило великихъ пастырей и строителей Христова дѣла. Припомнимъ свидѣтельство Григорія Назіанзина о пользѣ языческихъ школъ. Хотя для другихъ, говоритъ онъ (не безъ основанія думаютъ такъ люди благочестивые), душепагубны Аѳины, потому что избилуютъ худымъ богатствомъ—идолами, трудно не увлечься за другими, которые ихъ защищаютъ и хвалятъ, однако же не было отъ нихъ никакого вреда для насъ, сжавшихъ и заградившихъ сердце. Напротивъ, нужно сказать и то, что нѣсколько необыкновенно, живя въ Аѳинахъ, мы утверждались въ вѣрѣ, потому что узнали обманчивость и лживость идоловъ и тамъ научились презирать демоновъ, гдѣ имъ удивляются ¹⁾. Таково же было дѣйствіе языческаго образованія и на Златоуста, учившагося хотя и не въ Аѳинахъ, но у того же прославленнаго языческаго наставника, который воспиталъ двухъ другихъ великихъ святителей востока. Съ дѣтства вложенное въ душу Златоуста основаніе духовной жизни во Христѣ, непрестанный надзоръ и наставленія любящей и любимой матери, — все это направляло духовное развитіе Іоанна истиннымъ христіанскимъ путемъ. Онъ не оставлялъ чтенія Священнаго Писанія и просвѣщенный умъ его все болѣе и болѣе познавалъ неустойчивость свѣтскихъ, внѣхристіанскихъ началъ жизни и мысль его все болѣе склонялась къ принятію на себя ига Христова. Формальное образованіе Іоанна шло между тѣмъ своимъ путемъ. Слушая уроки языческихъ наставниковъ, Іоаннъ обогатилъ свой умъ познаніями въ различныхъ наукахъ, ознакомился съ образцами древняго краспорѣчія и приобрѣлъ искусство силою слова глубоко дѣйствовать на человѣческое сердце. Онъ превзошелъ всѣхъ своихъ современниковъ силою краспорѣчія и христіанской мысли. Имъ гордился и даже преклонялся предъ его необыкновенными талантами, считая его лучшимъ изъ своихъ бывшихъ учениковъ, — самъ знаменитый Ливаній. Онъ не находилъ никого себѣ въ преемники лучшаго Златоуста, если бы онъ не былъ христіаниномъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Созоменъ: *erat Antiochiaie ad Orontem presbyter quidam, nomine Joannes, nobili*

¹⁾ Григорія Богослова Твор. т. IV, стр. 76.

gonere natus vita integer dicendi persuadendique artifex egregius et omnium sui temporis oratorum prestantissimus, sicut Libanius Syrus Sophista testatus est. Nam cum moriturus esset, percontantibus amicis quis in ejus locum succederet: Johannes inquit, nisi Christiani illum subripuissent ¹⁾. Великія достоинства Іоанна, пріятное воспоминаніе о бывшемъ талантливомъ ученикѣ препобѣдили фанатизмъ закоренѣлаго язычника. Лежа на смертномъ одрѣ около 390 г., когда Іоаннъ былъ уже Антиохійскимъ пресвитеромъ и имѣлъ славу отличнаго проповѣдника, Ливаній принужденъ силою истины произнести одобрительный отзывъ о своемъ давнишнемъ слушателѣ. Можно ли ожидать лучшей аттестаціи, и нужно ли искать еще свидѣтельства того, что св. Іоаннъ съ успѣхомъ прошелъ высшую школу Ливанія?! Есть и еще положительное свидѣтельство изъ юныхъ лѣтъ жизни Іоанна—это похвальная рѣчь императорамъ, которую онъ послалъ на разсмотрѣніе Ливанія и послѣдній былъ въ восторгѣ. Счастливъ ты, писалъ Ливаній, который можешь такъ восхвалять, и счастливы императоры, имѣющіе въ свое время такого оратора ²⁾. Долго ли св. Іоаннъ оставался въ школахъ Ливанія и Андрагафія, съ достовѣрностію сказать трудно. Можно однако утвердительно сказать, что время прошло довольно продолжительное и во всякомъ случаѣ не менѣе трехъ лѣтъ, судя по связи историческихъ фактовъ. Какъ бы ни были велики блестящія дарованія юнаго Іоанна, но для того, чтобы съ успѣхомъ пройти довольно обширный курсъ риторской школы, для того, чтобы явиться луч-

¹⁾ Sosomenus Hist Eccl. lib. VIII, cap. 2.

²⁾ Письмо Ливанія сохранено въ твореніяхъ Исидора Пелусіота in libro 2 Epistolarum epist. 42 ad Orhelium. Вопросъ относительно адресатовъ этого похвальнаго слова остается спорнымъ, однако большинство склоняется къ признанію, что оно было назначено императорамъ Валентіану и Валенту. См. Acta sanct. t. IV, september, pag. 411. Георгій Александрійскій полагаетъ, что похвальное слово писано во время пребыванія Златоуста въ Афинахъ, гдѣ онъ своими успѣхами въ наукахъ возбудилъ зависть Афинянъ и принужденъ былъ удалиться. Но предположеніе Георгія не имѣетъ основаній и опровергается ясными свидѣтельствами достовѣрныхъ историковъ—haec narrat—unus ille Georgius fabulator (Vita s. Ioan. Chrys nunc primum adornato etc. pag. 86 Migne t. 47). Достовѣрно извѣстно, что св. Златоустъ краснорѣчіемъ въ Афинахъ никогда не занимался и весьма вѣроятно даже, что онъ совсѣмъ и не былъ даже въ Афинахъ (Acta sancto- rum pag. 411 t. IV).

шимъ изъ учениковъ Ливанія, потребно было много времени и усердныхъ занятій. Каковы были результаты образованія Іоанна, кромѣ указанныхъ вѣдшнихъ успѣховъ его просвѣщенія? Несомнѣнно, что изъ двухъ указанныхъ наставниковъ Златоуста Ливаній имѣлъ на него почти исключительное вліяніе. Іоаннъ изучалъ философію у Андрагафія, но не въ силу свободнаго влеченія къ ней, но потому что это требовалось сообразно съ современными ему взглядами на образованіе юношества. Къ философіи онъ не чувствовалъ склонности и даже имѣлъ нерасположеніе, настолько сильное, что оно осталось у него на всю жизнь и просвѣчиваетъ во многихъ его бесѣдахъ. Да оно и не могло быть иначе. Практической складъ души Златоуста искалъ непосредственныхъ плодовъ духовной жизни, хотѣлъ нравственнаго подъема людей и улучшенія міропорядка, а философія не имѣетъ своимъ непремѣннымъ и быстрымъ послѣдствиемъ указанные факты. Ливаній привлекалъ Златоуста, кромѣ замѣчательныхъ формальныхъ достоинствъ, честностію, правдивостію, способностію относиться непосредственно къ человеку помимо вѣшняго положенія и основъ жизни послѣдняго. Онъ привлекалъ своего даровитаго ученика, наконецъ, терпимостію, охраненіемъ неприкосновенности свободы воли и совѣсти. Въ то же время въ Ливаніи привлекательна была черта вѣрности разъ взятой идеѣ — дать торжество язычеству, но безъ вѣшной ломки. Таковымъ характеромъ Ливанія опредѣляется степень и направленіе его вліянія на Златоуста. Черты характера, какія мы указали у Ливанія, — мы находимъ отражающимися въ характерѣ и дѣятельности его ученика. Онъ научился у Ливанія на началахъ свободы воли и совѣсти возводить задуманное зданіе, словомъ, какъ отзвукомъ своей души, вліяя на волю человека. Параллельно съ этимъ образованіемъ, какъ мы указывали выше, шло материнское воспитаніе Златоуста, направлявшееся къ укорененію въ душѣ юнаго Іоанна религіозно-христіанскихъ началъ духовной жизни. Двѣ силы — равнодѣйствующія въ отношеніи къ опредѣленію направленія Іоанна, но онѣ не дѣйствовали на него принудительно. Воспитанный въ сознаниіи свободы воли, Златоустъ самъ долженъ былъ опредѣлить свое жизненное направленіе. Но это было не такъ легко. Пылкая натура Іоанна нуждалась еще въ долгомъ

изученіи жизни и суровой нравственной выправкѣ прежде чѣмъ ея жизненное направленіе опредѣлилось со всею рѣшительностію. Златоустъ принадлежалъ къ такимъ натурамъ, духовное броженіе которыхъ продолжается довольно долго, подобные люди могутъ долго уклоняться отъ несомнѣннаго жизненнаго призванія, долго не сознавать ясно своихъ жизненныхъ задачъ. Но вотъ внутреннее броженіе кончается, жизненная цѣль и смыслъ жизни изъяснены и тогда жизненное направленіе ихъ опредѣляется разъ и безвозвратно. Ихъ могутъ преслѣдовать, гнать, ссылатъ, внутренній опытъ можетъ выдвигать возраженія противъ состоятельности жизненныхъ началъ, ихъ могутъ умертвить, но, не смотря ни на что, и въ глазахъ самой смерти они останутся вѣрны своему жизненному призванію и умрутъ, благословляя провидѣніе. Таковъ былъ Іоаннъ. При отличныхъ природныхъ дарованіяхъ онъ получилъ и образованіе и воспитаніе, соотвѣтствующія его духовному складу. Его прилежаніе и пытливость ума доходили до несдержанности и крайней горячности. Гдѣ только онъ замѣчалъ истину и справедливость, туда онъ устремлялся съ жаждою познанія. Эта то стремительность души для нѣкоторыхъ непонимавшихъ его духовнаго склада казалось горячностью (arrogans) и даже дерзостію (protervus). Сократъ сохранилъ свидѣтельство, что Іоанна нѣкоторые считали весьма склоннымъ къ гнѣву. У него было болѣе горячности, чѣмъ робости. Въ спорахъ и разговорахъ Іоаннъ отличался неумѣренной свободой рѣчи. Но на ряду съ этими чертами мы находимъ у него нѣжную любовь къ ближнимъ, готовность помогать нуждающимся. По свидѣтельству историка, онъ много помогалъ нетвердымъ въ наукѣ товарищамъ, но въ собраніяхъ казался неумѣренно горячимъ для тѣхъ, которые не понимали его души ¹⁾. Это сочетаніе горячности и строгости къ людямъ съ глубокою и самоотверженною любовію къ нимъ само собою предполагало долгую и трудную внутреннюю борьбу, путемъ которой могло опредѣлиться истинное жизненное призваніе Іоанна. Нравственная связь съ сверстниками и товарищами по школѣ Ливанія имѣла важное значеніе въ ходѣ этой борьбы, Изъ его друзей особенно

¹⁾ Socrat., lib. VI, cap. 3.

были близки къ нему Феодоръ и Василій, и преимущественно послѣдній. Вопросъ о важности, возможности и призваніи пастырскаго служенія, вопросъ жизни для Іоанна, — онъ рѣшаетъ вмѣстѣ съ Василіемъ. Самъ Златоустъ характеризуетъ этого своего друга весьма симпатичными чертами. Много, говоритъ Іоаннъ, было у меня друзей, искреннихъ и вѣрныхъ, знавшихъ и строго соблюдавшихъ законы дружества. Но изъ числа другихъ одинъ превосходилъ всѣхъ любовью ко мнѣ, и столько отличался отъ нихъ расположеніемъ своимъ ко мнѣ, сколько эти послѣдніе—отъ людей, не имѣвшихъ ко мнѣ особенной привязанности. Онъ всегда былъ неразлучнымъ спутникомъ моимъ, мы учились однимъ наукамъ, слушали однихъ учителей. Съ одинаковою ревностію и охотою мы занимались краснорѣчіемъ и другими науками, одинаковыя имѣли желанія, проистекавшія изъ одного источника. И не только въ то время, когда мы ходили къ учителямъ, но и по выходѣ изъ училища, когда совѣтовались, какой лучше избрать намъ путь жизни,—и въ этомъ случаѣ мы оказались согласными въ нашихъ мысляхъ ¹⁾. Но при такомъ духовномъ согласіи съ нимъ, другъ Іоанна былъ чуждъ его пылкости и горячности. Разъ рѣшивъ въ принципѣ вопросъ жизни въ смыслѣ непрерывнаго духовнаго служенія Богу и людямъ, Василій оставался непреклоннымъ. Мало того, онъ не оставлялъ Іоанна, убѣждалъ его навсегда поселиться съ нимъ въ пустынь и убѣжденія, говоритъ Златоустъ, имѣли успѣхъ и намѣреніе ожидало только исполненія ²⁾. Но не такова была пылкая натура Златоуста. Прежде чѣмъ окончательно отдаться жизненному призванію, онъ долженъ былъ испытать продолжительную духовную борьбу, извѣдать жизнь, изучить ея условія, видѣть ея тлетворные принципы во всей ихъ непривлекательной наготѣ и тогда уже выйти на ниву Христову ревностнымъ дѣлателемъ. Не смотря на внутреннее влеченіе къ духовному дѣланію, Іоаннъ отдался теченію внѣшней жизни. Онъ самъ изображаетъ мірскую жизнь свою слѣдующимъ образомъ. „Когда намъ надлежало вступить въ блаженную иноческую жизнь и посвятить себя истинной

¹⁾ О свящ. сл. I, стр. 1—2.

²⁾ Ibid. стр. 4.

философіи, тогда на вѣсахъ жизни нашей потерялось равновѣсіе. Его жребій по причинѣ легкости своей возвысился, а я еще увлекаемый пожеланіями мірскими, унижилъ мою участь, отяготивъ юношескими мечтами. Хотя дружба наша и оставалась столь же крѣпкою, какъ и прежде, но союзъ общежитія разторгся, ибо намъ невозможно было жить вмѣстѣ по причинѣ различныхъ нашихъ занятій. Когда же и я нѣсколько освободился отъ житейской бури, онъ принялъ меня къ себѣ съ распростертыми объятіями. Впрочемъ и тогда мы не могли соблюсти прежняго равенства. Съ великою ревностію проходя подвигъ свой, онъ достигъ великой высоты и далеко оставилъ меня за собою. Но по снисходительности своей, дорого цѣня дружбу мою, онъ раздѣлялъ со мною все время. Это было еще прежде его желаніе, но исполниться ему воспрепятствовало мое малодушіе. Кто вседневно посѣщаль судилища, кто гонялся за увеселеніемъ общественныхъ зрѣлищъ, тотъ не могъ часто проводить время съ человѣкомъ, который бесѣдовалъ только съ книгами и никогда не показывался народу ¹⁾. Вотъ личное признаніе Іоанна въ томъ, что онъ не имѣлъ силы сразу, по окончаніи образованія, отдаться на служеніе Богу. Искушаемый мірскою славою, своимъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ и жаждою жизни. Златоустъ выступилъ на подприще гражданской службы. Изъ приведеннаго самопризнанія Іоанна видно также, что онъ не сразу послѣ того, какъ вышелъ изъ школы, предался священнымъ занятіямъ, но нѣкоторое время упражнялся въ веденіи судебныхъ дѣлъ ¹⁾. Для этого нужно было особенно внимательно изучать законы ³⁾. И онъ, по свидѣтельству историковъ и по собственному признанію, изучалъ законовѣдніе, ходилъ въ судебныя учрежденія и защищалъ дѣла, ему ввѣренныя. Занятіе было довольно искусительное и опасное, оно могло развить въ немъ честолюбіе, корыстолюбіе и ложь. Однако, прочный фундаментъ религіозно-нравственнаго воспитанія предохранялъ его отъ страстныхъ увлеченій и ускорялъ кризисъ духовной борьбы, обезпечивая вмѣстѣ и благо-

¹⁾ Ibid. Стр. 3—5.

²⁾ Acta sanct. tom. IV, 412. Нужно думать, что въ это время написала его знаменитая рѣчь въ похвалу императоровъ.

³⁾ См. Sozom. lib. VIII, cap. 2; Socrat. lib. VI, cap. 3.

пріятный исходъ послѣдняго. Юношеская мысль Іоанна увлеклась обманчивымъ блескомъ и разнообразными удовольствіями свѣта. Но міръ не поглотилъ Іоанна, потому что онъ былъ не отъ міра. Занимаясь адвокатурой, онъ не оставлялъ чтенія Свящ. Писанія. Библия была для него книгою жизни. Подъ ея вліяніемъ развились лучшія черты его характера — необыкновенное воодушевленіе при сознаніи святости и высшей нравственной силы, горячая ревность о истинѣ и правдѣ и пламенная непоколебимая вѣра. Въ это время въ немъ устанавливался и боролся противъ ветхаго человѣка его христіанскій идеаль. Это тотъ идеаль, который проходитъ во всѣхъ его твореніяхъ и обнаруживается уже во всей полнотѣ и ясности въ его первыхъ писаніяхъ. Это — идеаль непоколебимой, воинствующей и все побѣждающей вѣры, который возникъ у него чрезъ изученіе Библии и воспитался жизненными скорбями. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и жизненномъ приложеніи этотъ идеаль указывалъ Златоусту путь своего осуществленія въ пастырскомъ служеніи. Служеніе адвоката, блужданіе по распутіямъ міра принесло, однако, Іоанну и свою пользу. Въ качествѣ адвоката и человѣка живо интересующагося общественною жизнію, Іоаннъ имѣлъ средства и случаи близко ознакомиться съ нуждами и стремленіями современнаго ему общества. Посѣщеніе общественныхъ увеселеній при его наблюдательности дало ему возможность узнать все развращающее дѣйствіе тогдашняго театра и суетность мірскихъ развлеченій, противъ которыхъ онъ въ послѣдствіи вооружался съ такою силою своей пастырской ревности и ораторскаго краснорѣчія. Чтеніе Слова Божія, самопознаніе, размышленія и тѣсное дружеское общеніе съ другомъ своимъ Василиемъ, все это имѣло своимъ послѣдствіемъ рѣшительное отвращеніе Іоанна отъ началъ мірскаго общежитія и обращеніе къ руководству Церкви. При своихъ отличныхъ способностяхъ, обширныхъ свѣдѣніяхъ, краснорѣчіи и знатности происхожденія, Іоаннъ могъ бы современемъ занять видное мѣсто на государственной службѣ. Но при указанныхъ выше условіяхъ своей внутренней жизни, Златоустъ скоро ощутилъ въ себѣ дѣйствіе Божественной благодати, проявившееся въ немъ, какъ внутреннее недовольство своею жизнію и стремленіе къ духовному дѣланію, къ жизни тихой,

посвященной духовнымъ подвигамъ и размышленію о предметахъ высшаго христіанскаго вѣдѣнія. Къ этому времени относится знакомство Златоуста съ Мелетіемъ архіепископомъ Антиохійскимъ. По извѣстію Палладія, это знакомство привело Златоуста къ принятію крещенія ¹⁾. Каковъ былъ Мелетій и почему сближеніе съ нимъ имѣло рѣшающее значеніе для Златоуста въ отношеніи къ жизненному вопросу?—Высокая личность архипастыря Антиохійской церкви Мелетія рисуется въ похвальному словѣ Іоанна идеально-пастырскими чертами ²⁾. „Какъ прекрасный корень, скрываясь въ вѣдрахъ земли, самъ не показывается, говоритъ Златоустъ, но обнаруживаетъ добрую силу свою чрезъ плоды; такъ точно и блаженный Мелетій, скрываясь въ этой гробницѣ, самъ невидимъ, но чрезъ васъ—плоды свои, обнаруживаетъ силу своей благодати ³⁾. Далѣе, Златоустъ указываетъ на взаимныя отношенія Мелетія и его паствы. Когда онъ прибылъ въ городъ, продолжаетъ Іоаннъ, каждый изъ васъ старался назвать свое дитя его именемъ, думая чрезъ это ввести святаго въ домъ свой, и матери, забывая отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, нарекали дѣтей своихъ именемъ блаженнаго Мелетія ⁴⁾. Онъ свидѣтельствуетъ о великой пастырской ревности Мелетія, когда онъ, подобно Моисею, избавлялъ городъ отъ еретическаго заблужденія и отсѣкая отъ тѣла гнилые и неизцѣльно больные члены, возвращалъ Церкви истинное здоровье. Указываетъ, далѣе, на вражду противъ Мелетія со стороны противниковъ Христовой истины, на его необычайное мужество, на любовь народа и непрерывное общеніе паствы и пастыря во все время изгнаній послѣдняго. Онъ былъ изгоняемъ, чтобы находиться вдали отъ дѣтей, но случилось противное, онъ еще тѣснѣе соединился съ паствою узами любви и отправился въ Арменію, какъ бы взявъ съ собою весь городъ ⁵⁾. Бывшіе съ нимъ въ общеніи, слышавшіе и видѣвшіе его, считали себя довольными и получали полное духовное удовлетвореніе ⁶⁾.

¹⁾ Palladii dialogus historicus, pag. 18.

²⁾ Слово это было сказано пять лѣтъ спустя по кончинѣ Мелетія.

³⁾ Сл. и бес. на разн. случ. I, 48.

⁴⁾ Jbid. стр. 56.

⁵⁾ — стр. 52.

⁶⁾ — стр. 53.

Епископы, взирая на святость его, какъ на первоначальный образецъ и снимая съ него очевидный примѣръ служенія въ этомъ достоинствѣ, приобрѣтали вѣрное и яснѣйшее правило, по которому слѣдуетъ устроить церкви. Онъ имѣлъ благочестіе, мудрость, ревность по вѣрѣ и всѣ вполне добродѣтели, свойственныя священнику ¹⁾. Въ приведенныхъ словахъ можно видѣть полную характеристику человѣка, рѣшившаго судьбу Іоанна. Мелетій поразилъ и покорилъ впечатлительнаго юношу кротостію, смиренномудріемъ и самоотверженною вѣрностію своему призванію. Изучая жизнь роднаго города, Іоаннъ не могъ не замѣтить того могучаго вліянія, которое имѣла Церковь на нравы гражданъ, а изучая послѣднее, онъ не могъ обойти вниманіемъ великихъ служителей церкви. Богобоязненный, любившій дѣло болѣе, чѣмъ слово, болѣе благочестіе, чѣмъ мудрословіе, Мелетій своею жизнію и ученіемъ всегда свидѣтельствовалъ Іоанну ту великую истину, что безъ любви къ Богу не могутъ быть соблюдаемы божественныя заповѣди, что просвѣщеніе ума и сердца невозможно тамъ, гдѣ не свѣтитъ лучъ божественной благодати и что только тотъ въ состояніи уразумѣвать и право возвѣщать слово истины, кто доброю жизнію содѣлалъ свою душу храмомъ Христа. Таковъ былъ наставникъ Іоанна. Его великая личность сразу привлекла къ себѣ Златоуста и онъ нашелъ въ ней разрѣшеніе волновавшихъ его жизненныхъ вопросовъ. Его волновала и тяготила сознаваемая имъ пустота и бессмысленность мірской жизни. Мелетій своимъ примѣромъ указывалъ ему смыслъ жизни въ самоотверженномъ подвигѣ любви и учительства для просвѣщенія тьмы міра. Златоуста волновали страсти, тяготилъ разладъ между сознаваемымъ идеаломъ и наличностію своей жизни, Мелетій указывалъ ему нравственную точку опоры въ отказѣ отъ личнаго блага, въ самоотреченіи и аскетизмѣ, въ полнѣйшей нечувствительности къ личнымъ страданіямъ во имя пастырской идеи любви и служенія ближнимъ. Нравственноо вліяніе Мелетія подготовило въ душѣ Іоанна почву, на которой возросъ его великій и необыкновенно жизненный пастырскій идеалъ, а также зародилась потребность и готовность самоотверженнаго служенія послѣднему. Несом-

¹⁾ Сл. и бес. на разн. Случ. 1, стр. 54.

нѣвно много способствовали проясненію религіознаго сознанія Іоанна и положительныя уроки Мелетія. По свидѣтельству древности, Мелетій въ своихъ бесѣдахъ тщательно наставлялъ Іоанна въ догматахъ вѣры и изъяснялъ Свящ. Писаніе и духъ христіанскаго благочестія и послѣ этого крестилъ его, а чрезъ нѣкоторое время Златоустъ поставленъ былъ чтецомъ ¹⁾. Такъ совершилось благодатное при-

¹⁾ Сократъ утверждаетъ (lib. VI, cap. 3), что Іоаннъ былъ поставленъ въ чтецы епископомъ Зенономъ. Тоже утверждаетъ Георгій Александр. и др. поздніе писатели. По примѣру Сократа, Бароній думаетъ, что Златоустъ поставленъ былъ въ чтецы Зенономъ, еп. Тианскій, или Зенономъ, еп. Маюмскій. Марцеллинъ въ хроникѣ подъ 389 г. утверждаетъ противное приведеннымъ взглядамъ. Онъ говоритъ, что Іоаннъ, рожденный въ Антиохіи тамъ же, Мелетіемъ, епископомъ того города былъ поставленъ въ чтецы и мало по малу проходилъ церковныя обязанности. Тильмомъ рѣшительно утверждаетъ, что Сократъ неправъ въ своемъ сужденіи, такъ какъ будтобы изъ свидѣтельства Палладія слѣдуетъ, что Іоаннъ былъ поставленъ въ чтецы своимъ епископомъ Мелетіемъ согласно съ канонами (Acta sanct. IV, 412, 57). Однако, мы не находимъ, что Палладій рѣшительно утверждаетъ это. Конечно, когда немного спустя онъ говоритъ о поставленіи Іоанна на діакона, онъ ясно свидѣтельствуемъ, что это сдѣлано Мелетіемъ. Но въ перномъ случаѣ умалчиваетъ и не утверждаетъ, что Іоаннъ былъ поставленъ въ чтецы тѣмъ же самымъ, у котораго онъ пробылъ *ἀμφὶ τὰ τρία ἔτη*. Что же касается канонѣвъ, то имъ не сдѣлано ничего противнаго и въ случаѣ поставленія Іоанна Зенономъ, такъ какъ Зенонъ Тирскій управлялъ Антиох. патриархатомъ во время ссылки Мелетія. Можно только сказать, что Іоаннъ былъ поставленъ въ чтецы не позже начала 372 г., если онъ былъ поставленъ Мелетіемъ, и не прежде 372 г., если былъ поставленъ Зенономъ. Нѣсколько неясно, когда Златоустъ былъ поставленъ въ чтецы, оразу ли послѣ крещенія, или спустя въ которое время, т. е. какъ слѣдуетъ понимать трехлѣтнее пребываніе его у Мелетія. Это сомнѣніе, думается, разрѣшается удовлетворительно, если мы переведемъ буквально подлинное свидѣтельство Палладія относительно указаннаго событія. Слова Палладія: *ὡς δὲ παρήδρασε μετασωρηθεὶς τὴν τοῦ λουτροῦ κάλυψεσάν ἀμφὶ τὰ τρία ἔτη, προάγειται ἀναγνώστης*—слѣдуетъ буквально перевести такъ: когда онъ, освященный банею возрожденія, пробылъ около трехъ лѣтъ, то сдѣланъ былъ чтецомъ, т. е. крещенный въ 369 году, онъ былъ поставленъ въ чтецы въ 371 г., или позднѣе, такъ что у него оставался трехлѣтній періодъ времени между крещеніемъ и вступленіемъ въ церковныя должности. Такъ же понимаетъ это Неандеръ (В. I, p. 14). Одинокимъ и непонятнымъ остается свидѣтельство Феодора тримифунтскаго, будто Іоаннъ принялъ крещеніе въ городѣ Амидѣ отъ еп. Беатана и вскорѣ поставленъ въ чтецы Антиох. церкви епископомъ того города Пименіемъ (*Λαβὼν δὲ τὸ ἄγιον βάπτισμα ἐν Ἀμιδῷ τῇ πόλει ὑπὸ Βατανοῦ ἐπισκόπου, εὐθέως ἀναγνώστης προχειρίζεται ἐν Ἀντιοχείᾳ ὑπὸ Πιμηνίου τοῦ ἐπισκόπου αὐτῆς* (de vita et exsilio Ioan. Chrys. Migne, Cursus compl. patr. t. XLVII, pag. 57).—

соединеніе Златоуста къ Церкви Христовой. Выражаясь словами самого Златоуста, можно сказать о его образованіи тоже, что онъ говорилъ въ приложеніи къ своему пастырю-окому идеалу—апостолу Павлу. „Поймана была эта великая рыба, поймана не удою, а словомъ Господнимъ. Какъ рыболовъ какой, сидя на высококомъ камнѣ и поднявъ удилице, опускаетъ уду сверху въ море, такъ и Господь нашъ, открывшій духовную ловитву, поймалъ эту великую рыбу. И что было съ тою рыбою, которую по повелѣнію Господню поймалъ Петръ, тоже случилось и съ этою. Ибо и у этой рыбы въ устахъ нашелся статирь, только статирь нечистый. Поэтому Богъ даровалъ ему истинное познаніе, сдѣлалъ монету настоящею. Иди, сказалъ ему Господь, къ людямъ и, освободивъ ихъ отъ тьмы, переведи ихъ въ царство любви Христовой ¹⁾“. Такъ говорилъ Златоустъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего плѣненія въ послушаніе божественной благодати, о великомъ апостолѣ языковъ. Но эти слова приложимы вполне къ нему самому. Путемъ продолжительнаго изученія жизни и внимательнаго самонаблюденія онъ позналъ исключительную цѣнность благоданныхъ основъ жизни, необходимость и возможность самоотверженнаго служенія людямъ, стѣль въ ряды борцовъ противъ зла и грѣха. И это было дѣломъ не человѣческаго усилія, по божественной благодати ²⁾. Фактъ долговременнаго уклоненія Златоуста отъ св. крещенія объясняется и внѣшними условіями, и нравственными. Въ IV и V вв. многіе христіане сохраняли обычай отлагать крещеніе дѣтей до совершеннаго возраста. Обычай этотъ не рѣдко сопровождался пагубными послѣдствіями, такъ какъ младенцы умирали некрещенными. Мало того, нѣкоторые медлили принимать крещеніе, откладывая его до старости, на томъ основаніи, что грѣхи, содѣланные послѣ крещенія, подлежатъ бѣльшей отвѣтственности, нежели грѣхи естественнаго человѣка. Противъ этого предразсудка неоднократно возставалъ Златоустъ. „Прекрасны, вождельны тайнства, говорилъ онъ, но пусть никто не принимаетъ крещенія, когда уже разлучается съ душею. Тогда—время не тайнства, но завѣщанія, а время

¹⁾ Сл. и бес. къ Ант. нар. т. II, бес. 27-я, 1-я о перемѣнѣ имени, стр. 473—474.

²⁾ Ibid. 482.

тайнствъ—здравіе ума и цѣломудріе души ¹⁾“. Противъ этого вооружался Св. Григорій Богословъ, называя это дѣвольскимъ искушеніемъ ²⁾. Но въ отношеніи къ Златоусту нельзя предполагать уклоненій отъ крещенія по небреженію. Скорѣе тутъ можно видѣть проявленіе обычной и весьма важной черты его характера, — смиреннаго сознанія своего недостойнства и яснаго представленія тѣхъ высокихъ обязанностей, которыя налагаетъ на христіанина святое званіе ученика Христова. Нужно принять во вниманіе цѣльность и въ тоже время принципиальную неопредѣленность его натуры, при которыхъ каждое изъ великихъ рѣшеній и переворотовъ перваго періода его жизни должно было предваряться трудной и продолжительной внутренней борьбой. Наконецъ, могла быть и еще, совершенно вышняя причина уклоненія Іоанна отъ крещенія, — это сознаніе необходимости высшаго образованія и желаніе извѣдать естественные пути пріобрѣтенія истины и уже потомъ отдаться небесному водительство. Извѣстно, что, по принятымъ тогда обычаямъ, христіанину, уже принявшему крещеніе, не дозволялось посѣщать языческія училища.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л. Соколовъ.

1) Бес. на кн. Дѣяній ч. I, стр. 21—30.

2) Св. Григорія Богослова творенія т. III, стр. 281—284, 297—300.